

Валентина Семенцева

Лист фикуса

Рассказы о войне

К 60-летию Победы Великой Отечественной войне

Вступление

Жителям блокадного Ленинграда, моим племянницам и крестницам

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Фашисты быстро подошли к Ленинграду (Санкт-Петербургу) и окружили его. Большую часть заводов и людей эвакуировали в тыл, то есть вывезли вглубь страны. Часть людей не смогла или не захотела покинуть город.

Немецкая артиллерия каждый день обстреливала город. С самолётов сбрасывали бомбы, которые вызвали разрушения и пожары. По радио объявляли: «Воздушная тревога!» Люди прятались в подвалы или специальные бомбоубежища до отбоя воздушной тревоги. Но это не всегда спасало. Было очень много убитых и раненых.

Я почему-то помню одну из первых воздушных тревог. Бомбоубежище, куда мы побежали с мамой, было вырыто в земле. Из досок был сделан пол, скамейки стояли по бокам, у стенок. Мы долго сидели на скамейке, поджав ноги, так как внизу была вода.

Нельзя было двигаться, и мне это быстро надоело. Утешением были две наволочки, одна с кусочками сахара, другая с сушками, которые мама захватила из дома. Накануне войны родители собирались в отпуск и купили заранее сахар и сушки, чтобы вечером пить чай из самовара.

Больше мы в это бомбоубежище не ходили, потому что было жалко оставлять дома одну больную бабушку, а немцы были так близко, что снаряды перелетали через наш дом и разрывались дальше. Последнюю тревогу объявили, когда я уже училась в первом классе, осенью 1944 года.

Мы с учительницей спустились в подвал школы. Она что-то рассказывала. Но вскоре стало тихо, и нам разрешили вернуться в класс и продолжить занятия.

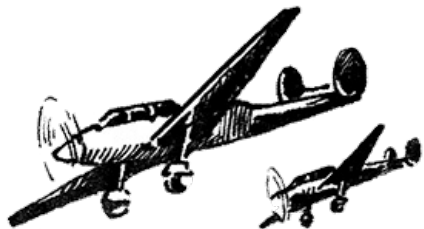
Осенью 1941 года сгорели склады с запасами продовольствия, и над окружённым фашистами городом нависла опасность голода. Продукты стали продаваться только по карточкам, то есть талончикам, в строго ограниченном количестве. Норма отпуска продуктов постоянно сокращалась.

Люди стали умирать от голода. 900 дней продолжалась блокада Ленинграда.

Если интересно узнать, как жили дети в блокадном Ленинграде, прочитайте эту книгу. Это воспоминания девочки Вали, которой шёл четвёртый год, когда началась война. Её папа ушёл на фронт сражаться с фашистами, был зенитчиком.

Семья не смогла уехать, потому что у старенькой бабушки была сломана нога. Мама устроилась работать на Кировский завод, ремонтировала танки, делала снаряды. Осенью бабушка умерла.

Валя оставалась дома одна на целый день, пока мама была на работе.

Лист фикуса

Вы едите листья растений? Конечно, ответите вы. Листья салата, капусты, укропа и другие, вкусные и полезные. Но не все листья можно есть. Некоторые листья ядовиты, другие просто невкусные. Откуда же такое название первого рассказа?

В начале войны мы жили в двухэтажном многоквартирном доме в Огородном переулке около Кировского завода. У нас в комнате рос в кадке большой фикус. Мама закрывала меня в комнате и уходила на работу. У меня было много игрушек, я целый день играла с ними. Немного еды, что оставляла мне мама, я быстро съедала. А есть потом снова хотелось.

Однажды с фикуса упал лист. Он был большой, кожистый, зелёный. На его черешке появилась белая капелька, как молоко. Я лизнула её, но она оказалась горькой. Я стала играть с листом, но от него исходил такой вкусный запах зелени...

Вы видели, как грызут корм хомяки, кролики. Передними зубами они откусывают маленькие кусочки и не жуют их. Вот так и я сгрызла лист фикуса и почти наелась. Через некоторое время я уже сама оторвала лист и тоже сгрызла его. Усталая мама, вернувшись вечером с работы, ничего не заметила. А я ничего ей не рассказала, побоялась, что меня накажут.

Как вы догадываетесь, на следующий день я сгрызла ещё два листа, потом ещё... Наконец наступил день, когда листья остались только на верхушке фикуса, достать их я никак не могла. Это меня очень огорчило.

Как-то мама, видно отдохнув немного, обратила внимание на голый фикус. Никаких листьев внизу не было. Я ей честно призналась, что съела их.

Мама перепугалась, схватила меня в охапку и побежала к врачу в поликлинику. Там меня осмотрели, послушали, никаких болячек не обнаружили и решили, что всё обошлось для меня благополучно.

Может быть, потому я и стала потом биологом, что съела фикус? Вы, ребята, моему

примеру не следуйте, ведь тогда была война, голод.

А, может, мне написать в «Книгу рекордов Гиннеса»? Наверное, я единственная в мире девочка, съевшая фикус. Хотя свидетелей уже не осталось.

«Подружка»

До войны во дворе у меня было много друзей. Мы жили на первом этаже. Над нами жила семья ассирийцев. У них было много детей. До войны их старший сын заботился обо мне. Если я хотела мороженого или лимонада, он шёл к моему папе и говорил ему: «Валя хочет мороженого». Папа, конечно, давал деньги на два мороженых. Мальчик покупал их и отдавал одно мне. От голода вся его семья умерла, и мой друг тоже.

У нас была белая, маленькая, пушистая собачка Миля. Когда я была совсем крошкой и ещё не умела ходить, я подползала к ней, цеплялась крепко за её густую шерстку. Она шла, и я с ней тоже. Так Миля научила меня ходить. Но в первые месяцы голода Миля пропала. Мама говорила, что её, наверное, поймали и съели. Так я потеряла ещё одного друга.

В соседней квартире жила моя подружка. Её звали Валя, ей тоже было четыре года. Уже были обстрелы, бомбёжки. Однажды мы обедали, а Валя позвала меня гулять. Моя мама сказала: «Вот поест и придёт».

Начался обстрел. Валина мама выбежала забрать девочку, но её во дворе нигде не было. Все взрослые пошли её искать, заглядывали в люки, лазали в подвал, на чердак, но так её и не нашли. Мама говорила, что её, наверное, украли...

Зимой у меня появилась новая «подружка». Ко мне стала приходиться в гости большая крыса, величиной с кролика.

От голода и холода я быстро уставала и забиралась в постель. Помню, что белых простыни, пододеяльника и наволочки не было, все было какое-то синее. На кровать ко мне залезла крыса. Мы с ней играли в прятки. Когда я лежала на подушке, она сидела в ногах в конце кровати. Я ей что-то говорила, она меня внимательно слушала. Потом я пряталась под одеяло с головой, а она бегала по одеялу взад-вперёд. Через некоторое время я откидывала одеяло, она опять садилась в ногах. Так мы с ней играли несколько дней, пока я не рассказала маме о своей новой подружке. Мама пришла в ужас. Нашла в углу дырку, заделала её, и наши игры прекратились.

Крысы опасны. Они разносят болезни и могут покусать человека. Это, конечно, не касается наших ручных белых мышей и крыс.

Прошло много лет. Мне подарили щенка белой болонки, величиной с ладошку. Она прожила у нас четырнадцать лет, и мы её очень любили. Вы, наверное, догадались,

как мы её назвали? Правильно, «Миля».

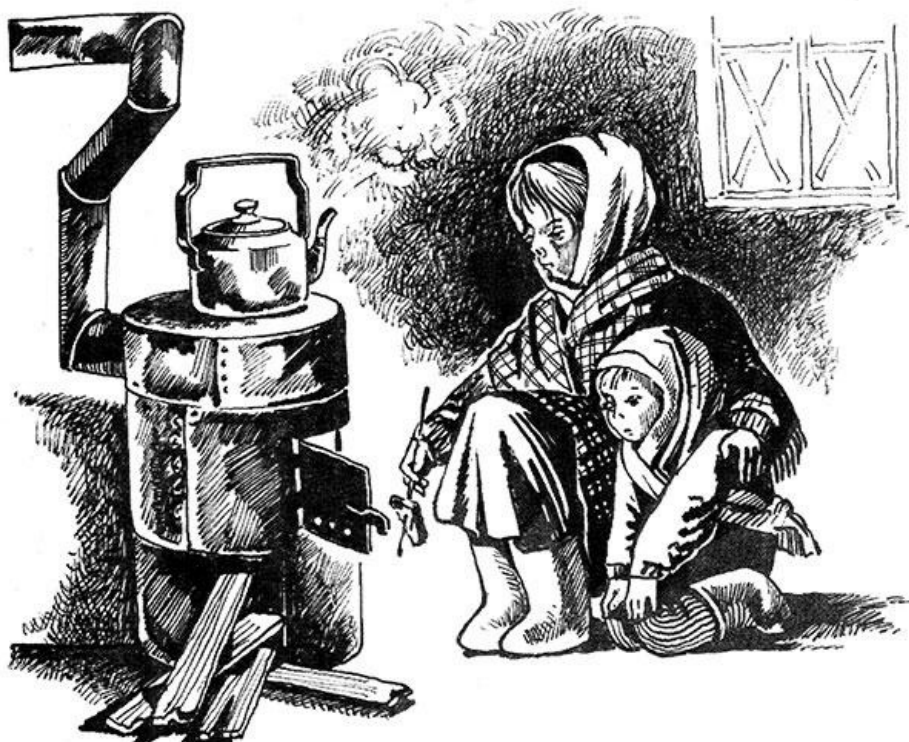

Загадка

Многие из вас любят загадывать и разгадывать загадки. Вот что это такое: «Белая, округлая, небольшая, съедобная»?

А дело было так. Весной горожанам, кто хотел и мог работать, дали семена и место для огорода. Я помню, что у нас росла свёкла. Мы с мамой ходили за ней ухаживать и ели её ботву.

Однажды в жаркий летний день мы шли с огорода. Никого вокруг не было. Я впереди прыгала с ножки на ножку и вдруг вижу, на дороге что-то лежит. Белое, чистенькое, округлое. Я подняла и понесла показывать маме.

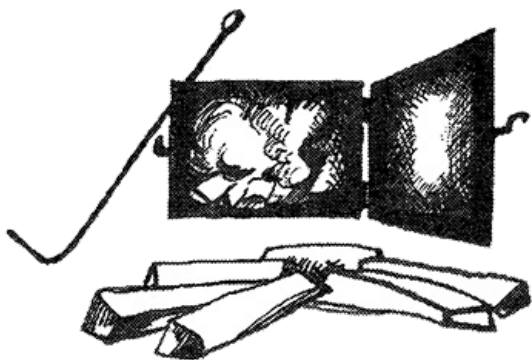
Что это такое? Лицо мамы просияло. Она положила мою находку на ладонь и любовалась ею, не отвечая на мой вопрос. Я подумала: мячик, шарик, потом вспомнила про яичко. Но мама сказала, что это картофелина. Кто-то обронил её нечаянно. Мама очень сочувствовала человеку, потерявшему картошку, но отдать потерю было некому. Мама сказала, что мы придём домой и сварим из неё чудесный суп.

А суп мы обычно варили так. Вечером, когда мама приходила домой с работы, она топила печку. Открывала её дверцу, и мы садились на маленькой скамеечке рядом у огня. В кружки наливали кипяток.

Блокадный хлеб был чёрный, сырой, тяжёлый, прилипал к зубам. Поэтому ломтик хлеба нанизывали на лучинку и держали около огня. Хлеб подсыхал немного, его крошили в кипяток и ели такой «суп» ложкой. А картофельный суп оказался просто замечательным!

До войны родители баловали меня. Я приходила с папой в булочную, и мне давали съедобную булочку «птичку». Я съедала только «глазик» (изюминку) и возвращала булочку папе. В пирожном «сахарная трубочка» я ела крем, а трубочку доедал папа. Сколько раз, сидя с мамой у печки, я жалела, что не было теперь ни

«птичек», ни сахарных трубочек.

Воровка

Воровать нельзя. Быть вором стыдно.

Но бывают разные обстоятельства. Судите сами.

Я уже рассказывала, что у нас была совсем старенькая бабушка. Она лежала в постели, так как у неё была сломана нога. Мама, уходя на работу, оставляла еду мне и на столике у кровати бабушке.

Я съедала свою еду сразу, а бабушка делила на части. И я у неё таскала кусочки. У бабушки была палка, которой она отгоняла меня. Вечером бабушка жаловалась маме, а мама уговаривала свою четырёхлетнюю дочку не делать так. И я обещала.

Однажды мама где-то была, и там оказался рассыпан мешок с урюком (сухие абрикосы). Мама взяла и всыпала по горсти урюка себе в резиновые сапоги и пошла. Зашла за мной в детский сад, но до дома ей было не дойти, было больно ногам.

Мы с ней сели на развалины на улице Шкапина. Это была жуткая улица, вся в руинах, с открытыми люками. Мама сняла сапоги и вытряхнула урюк. Я стала подбирать его и есть. Мама сердилась, отбирала урюк, потому что он грязный, по нему бегали крысы, он был в сапогах, она на него наступала. А мне было не удержаться. Когда мама заплакала, наверное от стыда и отчаяния, тогда я угомонилась.

Во время блокады не все жили плохо. Одна наша родственница работала на хлебозаводе. Она понемногу выносила оттуда муку, сахар. Продавала голодным людям, выменивала на золото, картины, ковры, сервизы. Но хранить дома продукты она боялась, так как устраивались обыски и её могли судить.

Однажды она попросила маму взять на сохранение двухкилограммовый пакет муки: она знала, что у нас искать никто не будет. Мама честно хранила эту муку. Но как-то было совсем голодно и мама решила, что если взять одну ложку муки и

забелить наш суп, то будет незаметно.

Потом как-то взяла ещё ложку. А потом мама поняла, что уже заметно уменьшение содержимого пакета. Расстроилась, но досыпать пакет было нечем, а у родственницы это была не последняя мука.

Да будет свет

До войны мне было три года, но кое-что я помню хорошо. Например, мультфильм «Федорино горе», как от неряхи Федоры сбежала посуда.

Летом мы жили на даче на Средней Рогатке. Это район станции метро «Московская». Там была лужайка с жёлтыми ромашками. Они были почти с меня ростом, и я боялась в них потеряться. Я ходила через эту лужайку с бабушкой на птичий двор к цыплятам.

Цыплята были маленькие, жёлтенькие. Вечером их укладывали в большие корзины, и я с удовольствием помогала птичницам. Корзины ставили друг на друга. Однажды утром, когда мы пришли, выяснилось, что часть цыплят погибла, их придавило корзиной. Я горько расплакалась, на всех рассердилась, птичницы вняли моим слезам и стали аккуратнее ставить корзины. За работу мне дали яиц, положили в подол платица, и я очень осторожно донесла их до дома.

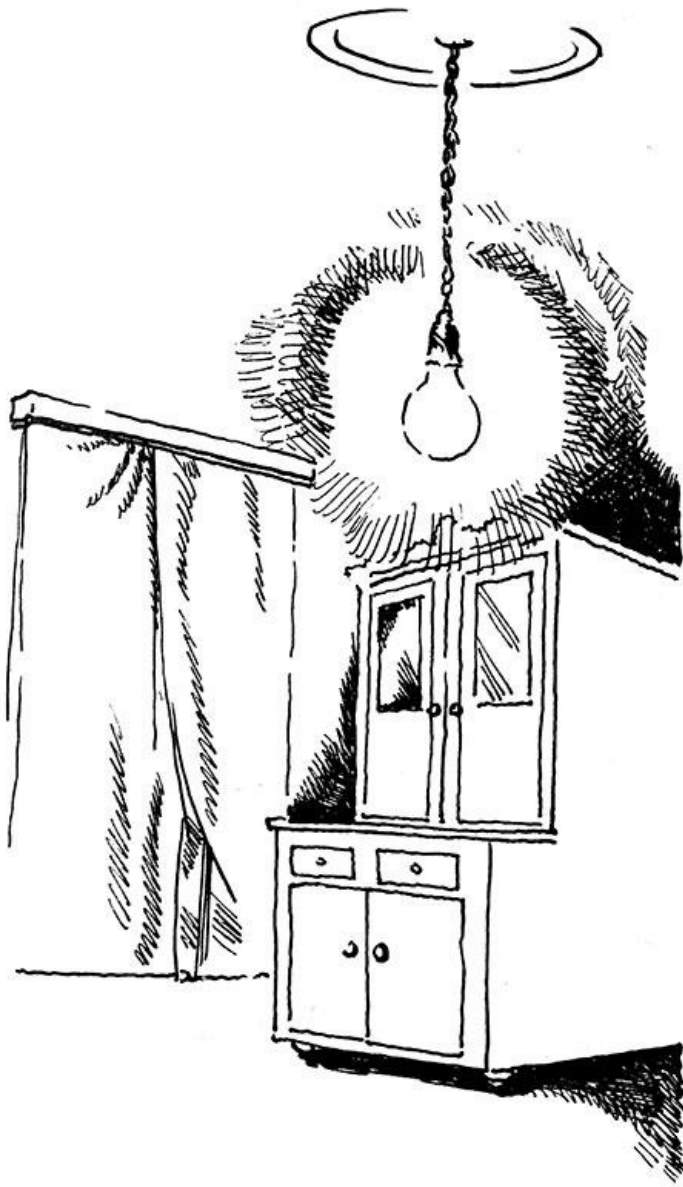
А вот про электрический свет я забыла, и когда он зажёгся однажды, для меня это было чудо.

Наверное, все вы смотрели фильм «Золушка». Помните, как в кухне, где Золушка разбирала фасоль, вдруг стало светлеть. Становилось всё светлее, светлее, и Золушка поняла, что к ней пришла её крёстная — волшебница и сейчас произойдёт что-нибудь чудесное.

Вот представьте себе, я сижу вечером в полутёмной комнате, горит коптилка. Мама на кухне что-то делает, а я ем патоку (что-то похожее на повидло) — угостила соседка. И вдруг начинает светлеть. Свет льётся откуда-то сверху, постепенно усиливается. Появляются очертания шкафа, стола, двери. Происходит чудо, а я не знаю, что это такое. Я выбегаю в коридор, на кухню, везде светло. Все обнимаются, смеются, радуются. Дали электричество. Загорелись лампочки.

В годы блокады все окна плотно закрывались шторами, чтобы свет не проникал на улицу. Тогда враг не знал, куда бросать бомбы. А если у кого-то было плохо зашторено окно, дежурный патруль поднимался в квартиру и требовал плотно занавесить окна.

Героические поступки

Может быть, вы со мной не согласитесь, но я думаю, что героические поступки могут совершать не только взрослые герои, но и дети. Я не имею в виду тех мальчиков, что в блокадном городе тушили «зажигалки» (так называли бомбы, вызывающие пожар), девочек, что ухаживали за ранеными, и т. д.

Я имею в виду поступки маленьких детей. Любите ли вы сгущёнку, как люблю её я? В войну тоже была сгущёнка, только было её очень мало. Мама, уходя на работу, убирала продукты в тумбочку и вешала замок. Но так как были колечки в дверцах, то можно было в щёлочку увидеть, что там есть банка сгущёнки.

Однажды вечером, придя с работы, мама затопила печку, нагрела воды, открыла целую банку сгущёнки, и мы сели за стол ужинать напротив друг друга. От тепла мама стала сонная, взяла чайную ложку и начала медленно, понемножку есть сгущёнку. Я сидела напротив и ждала, когда и мне дадут ложечку, но она меня не замечала. Раньше мама никогда так не поступала. И хотя мне очень хотелось есть, я понимала, что останавливать её нельзя, и молча глотала слюнки. Но когда ложка начала царапать дно, я взвыла. Мама очнулась и с ужасом увидела, что съела почти всю сгущёнку одна. Стала оправдываться, упрекать меня, почему я её не остановила. Отдала мне остатки сгущёнки.

Хоть я была маленькая, но я поняла, что у мамы кончались силы, и если бы она не съела сгущёнку, то, может, у меня не стало бы мамы, но тогда бы не стало и меня.

В годы блокады были очень морозные зимы. В Огородном переулке, где мы жили до войны, были дрова, вода, и маме близко было ходить на работу на Кировский завод. Но это уже была прифронтовая зона, и жить там не разрешалось.

Нам дали комнату на Балтийской улице. Сейчас это расстояние в три автобусных остановки. Мама посадила меня на санки, укутала одеялом и повезла на новую квартиру.

Вот представьте: темно, только луна освещает дорогу, мороз, ветер, нигде никого, и мама тащит саночки со мной.

Пока она шла по проспекту Стачек, ветер был не такой сильный. Но когда мы выехали на площадь, то метель стала жуткой. Нам надо было пересечь площадь и свернуть за угол, там Балтийская улица, и за углом безветренно.

Я чётко вижу эту картину даже сейчас. Большая, в сугробах площадь, метель. На небе временами открывается луна, и становится светло. Памятник С. М. Кирову укрыт досками и возвышается над всем. Молодая, голодная, уставшая после работы, мама тащит из последних сил меня в санках. А у меня замёрзли коленки, очень больно, но я терплю, понимаю, как трудно маме, и жду, когда мы свернём за угол и можно будет ей отдохнуть. Но боль усиливается, я не могу сдержаться и начинаю плакать. Мама останавливается, начинает растирать мне ножки и упрекает меня, почему не сказала раньше. А я так хотела ей помочь. До сих пор перед холодами у меня болит правая коленка, и я завязываю её на ночь шарфом.

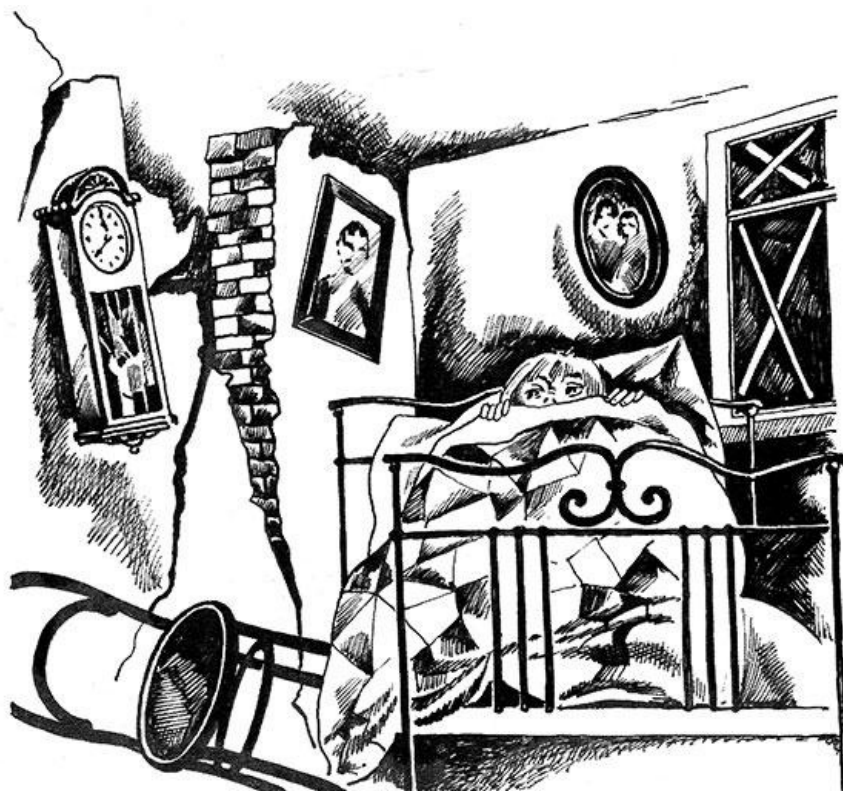
Ребята, вам судить, героические это поступки или нет. Только ли работающие люди внесли вклад в Победу, а, может быть, и такие крохи тоже были мужественными?

«Ужастики»

Вы уже знаете, что я сидела одна в доме, пока мама работала на заводе. Жили мы на первом этаже, окно было большое, с низким подоконником. Поэтому я играла у окна, там было светло. Мимо дома никто не ходил, так как это была прифронтная зона. Но однажды... Зимой, когда уже смеркалось, я увидела высокого мужчину, который шёл по улице мимо окна. У него был серый стёганный ватник, такие же брюки, рукавицы, шапка, обувь. Видны были одни глаза. Он шёл медленно, еле-еле, и вдруг увидел в полуметре от дороги в окне играющую девочку. Он замер. Остановился, уставился на меня и долго-долго стоял. Какие мысли приходили ему в голову, я не знаю, но, видимо, недобрые... Нас разделяло окно, он мог разбить его и забрать меня.

Я очень испугалась, залезла в коробку с игрушками, которая стояла под столом, и не вылезала из неё, пока вечером не пришла мама. С тех пор я стала бояться.

Мама досками заколотила застеклённые двери в комнату, укрепила оконную раму, повесила шторы. А вскоре мы переехали в другую квартиру. За время войны мы переезжали пять раз и растеряли всё имущество. При переездах мама всегда брала с собой икону Казанской Божией Матери, которой её благословляли родители, когда она выходила замуж за папу, и эта икона и сейчас хранится у нас дома. Переезжали мы, потому что то дом разбомбят, то что-то обвалится, то стёкла, вылетят и т. д. Так мы оказались на Казначейской улице, нам дворник открыла чужую квартиру и указала комнату, в которой мы будем жить. Хозяева были в эвакуации. Квартира была на четвёртом этаже, солнечная, светлая, паркетный пол, зеркала, красивая мебель, в шкафах белое постельное бельё, посреди комнаты большой стол со скатертью. Было очень красиво.

Мама взяла из шкафа бельё и застелила постель. Накормила меня чем-то и уложила в кровать. И вдруг начался обстрел, и снаряд попал прямо в наш дом. Лёжа в кровати, я увидела, как стенка отодвинулась от потолка, стала падать

штукатурка. Мама бросилась ко мне и накрыла меня собой, на неё упал кусок потолка. Потом всё стихло. Мы боялись пошевелиться, стенки могли сложиться, как карточный домик. Приехали пожарные, стали звать, есть ли живые. Мы откликнулись. Когда мама открыла дверь комнаты, то дальше оказалась пустота. Никакой красивой квартиры, пропасть. Пожарные поставили лестницу и велели нам побыстрее спускаться. Мама спустилась сама, а я крепко держалась за шею и спину пожарного.

Мы опять вернулись на Балтийскую улицу.

Королева красоты

У каждого человека есть что-то такое, что делал или говорил в детстве только он. Я, куда бы ни приходила, сразу заявляла: «Мы с папой самые красивенькие, у меня глазки голубые, а у папы розовые» (у папы были глаза светло-карие). Но в блокаду, в голод, в бомбёжки, казалось бы, было не до красоты. Но это не совсем так, и однажды моя мама всем напомнила о мирном счастливом времени.

Меня определили в детский сад на Тракторной улице. Близился Новый, 1943 год. Привезли ёлку. Мы, дети, делали ёлочные украшения, учили стихи. Мама решила приготовить мне костюм снежинки.

У нас было новое красивое шёлковое детское платье цвета чайной розы. Его принесла соседка ещё в начале блокады. У неё умерла дочка, и она отдала её платье мне. Платье было как раз для праздника.

Мама сшила белые трусики, связала белые носочки, нашла бант. А вот туфельки не было. Мама решила не отступать и сшить белые тапочки с помпонами сама. Вечером, после работы, она их смастерила.

На праздник мы немножко опоздали. Уже все дети водили хоровод вокруг ёлки, пели. Мама меня быстренько переодела и подтолкнула в зал. Последовала немая сцена. Дети были в рейтузах, шароварах, свитерах с длинными рукавами.

И вдруг: голые ручки, голые ножки, красивое лёгкое платье и большой белый бант.

Дети не знали, что так бывает, забыли за годы войны и с удивлением смотрели на меня. А лица взрослых вдруг изменились, я это хорошо помню. Они потеплели и засветились, как будто внутри их зажглись свечи, огоньки. Они вспомнили счастливые мирные годы. Мама опаздывала и, увидев, что сюрприз получился, поспешила на работу. А все стали танцевать, смеяться, радоваться. И я вместе со всеми. Меня выбрали королевой. Единственное, что смущало меня, так это голые руки и ноги. Из-за холода и голода все привыкли ходить укутанными.

Праздничное платье мы долго хранили. После войны, когда тоже было трудно с одеждой, мы подарили его маленькой соседской девочке.

В садике было хорошо. Мы рисовали, лепили из пластилина, вырезали фигурки из бумаги. Если за кем-то вечером не приходили, то на большую плиту на кухне, что топилась дровами, клали матрасы, одеяла. Мы, дети, вместе с поварихой и дежурной воспитательницей укладывались там спать одной дружной семьёй.

Ягода малина

Как ни хорошо было в детском саду, но я была очень слаба. У меня от голода была дистрофия — это такая болезнь. Как только представилась возможность, меня отправили в санаторий. Мама говорила, что санаторий был в Токсово, на берегу озера.

Я помню, что нас везли в пригородном поезде. На станции, где мы вышли, был высокий зелёный косогор, весь в цветах. Я положила свою куклу и стала собирать по дороге цветы. Когда я спохватилась, что забыла куклу, мы уже далеко ушли от станции, и за моей куклой никто не стал возвращаться.

Что такое комары, я не знала, а их у озера было очень много. Они накупились на меня. Укусы страшно чесались. Когда к концу дня медсестра обратила на меня внимание, мой вид был ужасен. Медсестра намазала укусы зелёнкой, и я стала вся зелёная. Доктор велела положить меня в изолятор.

Утром, когда я проснулась, то увидела белую чистую комнатку, три кровати, белые занавесочки, открытое окно. Ветерок с озера приятно дул, дверь была заперта. Ко мне никто не приходил, а я захотела есть. В окно было видно, как другие дети играют у озера.

Через окно я вылезла в палисадник, а там, на кустах, висели красные крупные спелые ягоды. Я попробовала одну, вторую, пока не съела большую часть. Это оказалась малина, и её главврач берегла для своего сына. Представляете, что обрुшилось на мою голову? Меня только что не побили.

Мама как будто чувствовала, что у меня там не всё хорошо. Она отпросилась на работе и приехала в санаторий. Что она увидела? Всю в царапках, зелёную, обиженную девочку. Как вы думаете, что мама сделала? Конечно, она забрала меня домой.

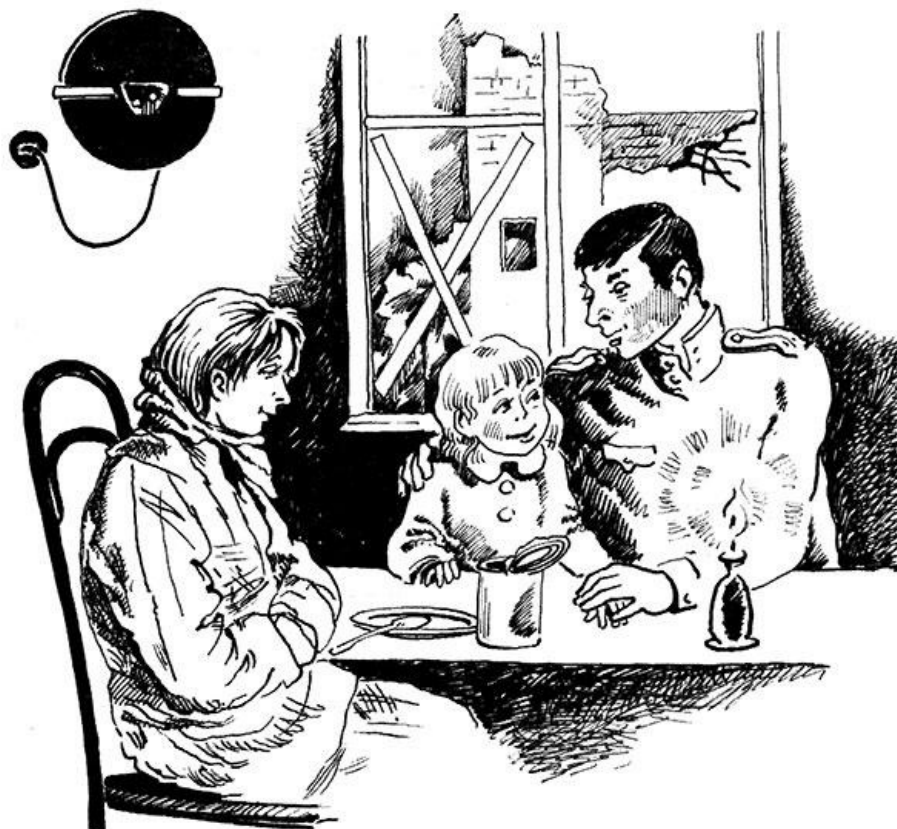
Это была первая и единственная в моей жизни поездка в санаторий.

Счастье

Мы переехали на Турбинную улицу. Дворник еле открыла квартиру, оказалось, что за дверью был лёд. На кухне — около метра толщиной. Лёд отбивали и выносили на улицу. Постепенно все устроилось, в квартире стало чисто, тепло, уютно.

Однажды я почему-то была одна дома. Мама, уходя, закрыла на ключ комнату, а потом квартиру. И пришел папа, а я не могла впустить его в квартиру. Папа выписался из госпиталя и возвращался в свою часть после пятого ранения.

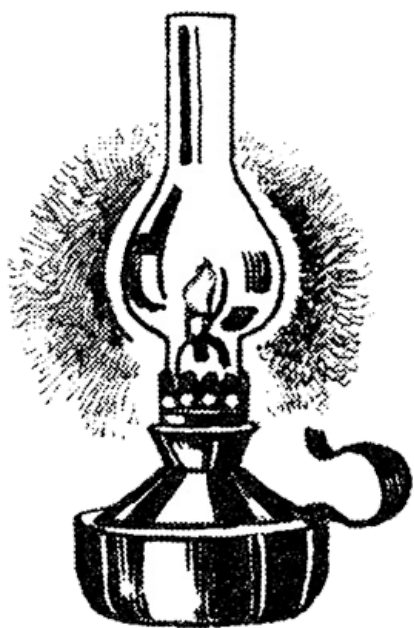

Во время войны все балконы были соединены лестницами. Папа по лестницам забрался на наш балкон на третьем этаже. Но мне было не открыть форточку, не хватало сил. Стояли очень сильные морозы. Папа замёрз и даже рассердился, что я не могу открыть форточку. Но потом он придумал, как нам действовать дружно. Он нажимал плечом, а я изнутри дёргала форточку за ручку. И у нас всё получилось!

Папа передал мне шапку, шинель, вещевой мешок, потом сам пролез в форточку, которую мы тут же закрыли.

Я помню, что мы сидели за столом, во что-то играли и смеялись. Мама вернулась и, открывая квартиру, не могла понять, с кем я разговариваю в комнате.

А потом мы сидели все вместе в тёплой, чистой, уютной комнате в обнимку, рассказывали свои новости и были счастливы, как будто не было войны.

Заключение

Я хорошо помню январский день прорыва блокады. Мы жили на Турбинной улице, и у нас за домом стояли «катюши» (ракетные установки). Военные, прощаясь с нами, говорили, что ночью нам не придётся спать. И правда, всё небо полыхало, и гремели залпы.

Мой красивый, умный, любимый папа погиб в марте 1944 года под Кингисеппом уже после освобождения города от блокады. Он был ранен в живот. Пришел командир и попросил раненых, кто может держать оружие, помочь им. Папа мог держать оружие и стрелял, помогая товарищам, пока не кончились силы.

Я хорошо помню, как шли войска по проспекту Стачек в мае 1945 года. На площади у памятника Кирову генерал на белом коне принимал парад. Самолёт разбрасывал листовки. А я бегала среди солдат, надеясь найти папу.

1 сентября 1944 года я пошла в школу № 384. В школу меня собирали все знакомые. Кто-то дал военную полевую сумку на длинном ремешке. В ней я носила тетради, и было очень удобно на ней съезжать с баррикады, которая еще осталась около школы. Баррикады были построены поперёк улиц, чтобы не смогли пройти вражеские танки. Зимой их заносило снегом, и получалась хорошая горка, а пешеходам мы, дети, помогали через неё перебираться.

Мама из детского байкового (тонкого) одеяла сшила мне шаровары. Это длинные штаны внизу на резинках. Они были с белыми полосочками: широкой и узкой, но меня это не волновало. Одна соседка дала шапку с длинными «ушами» из овчины. В довоенной корзинке другой соседки была найдена муфта.

Муфту носили на тесёмке на шее, и в неё прятали руки, чтобы они не мёрзли.

А пальто мне сшили из немецкой офицерской шинели, что очень смущало мою маму, но не меня. Я порвала его уже через неделю, повиснув на заборе.

Наша первая учительница Елена Степановна была немолодая, требовательная. Она научила нас учиться и любить читать книги. Когда я получала двойки или тройки, мама доставала папин табель с оценками, там были только пятёрки и четвёрки, и я старалась заниматься лучше.

Уроки природоведения Елена Степановна проводила в кабинете биологии. Там при входе стояли на задних лапах два медвежонка. Я же не видела раньше медведей, испугалась и отказалась идти на урок. Никакие уговоры не помогали. Тогда Елена Степановна накрыла меня своей шалью, чтобы медвежата меня не заметили, и я прошла между ними. А потом я уже не боялась.

Может, поэтому я тоже стала учительницей, а не врачом?

Я храню все мамины медали, в том числе «За оборону Ленинграда», «За победу в Великой Отечественной войне», и папины письма-треугольнички с Ленинградского фронта. Были ли у него награды, не знаю.

Ребята, спасибо, что прочитали мои воспоминания. Пусть ваше детство будет мирным и счастливым.

